

Недавно представители Амэрикан Джуиш Комити (american Jewish Committee) провели широкий опрос эмигрантов из СССР. На основе этих бесед журналистка Сильвия Ротскайл написала книгу, которая в ближайшее время будет опубликована издательством «Саймон энд Шустер». Название книги — "Special Legacy" («Особое наследие»).

В ответах эмигрантов нашли отражение типичные реакции на проблемы, с которыми сталкиваются выходцы из СССР в Соединенных Штатах.

Прошло почти 20 лет с тех пор, как Алексей Косыгин во время одной из его поездок на Запад заявил, что советское правительство не станет препятствовать воссоединению семей. С конца шестидесятых годов из Советского Союза эмигрировало, как известно, около 270 тыс. евреев. По данным Амэрикан Джуиш Комити, около 70 тыс. из них поселилось в США. Опросы, проведенные американско-еврейской организацией, были направлены на выяснение степени адаптации к жизни в Америке и проблем, связанных с процессом адаптации.

Приведем характерные примеры.

Журналист из Москвы, прибывший в США четыре года тому назад, до сих пор уверен, что американцы лучше информированы о том, что происходит на Луне, чем о событиях в Советском Союзе.

22-летний студент юридической школы, выехавший из Москвы вместе с семьей в 17 лет, говорит: «Американские евреи нас совершенно не понимают. Они не имеют никакого представления о наших проблемах. Они считают, что мы — те же самые евреи, лишь говорящие на другом языке». Студент полагает, что американские евреи не поймут всей сложности проблем, связанных с советским образом жизни. По его мнению, двустороннее непонимание должно привести к разочарованиям после преодоления языкового барьера.

Из опросов новопривыкших выясняется, что «образующаяся» на них свобода неразрывно связана с новыми проблемами, новыми страданиями.

Рита С., художница из Москвы, говорила, что в течение первого года, проведенного ею в Америке, она делала все на черное и белое, не признавая никаких оттенков. «Я была не в состоянии понять, до какой степени жизнь в СССР была несуровой. Поэтому я в первое время была столь неэластичной и даже догматичной. Только постепенно, шаг за шагом я сумела оценить новую жизнь в США, которая предоставляла мне широкий диапазон возможностей, позволяющих определять собственную судьбу».

Математик из Москвы Леонид Б. боролся в СССР за индивидуальную свободу. В течение двух лет он пережил все тяготы и страхи, которым подвержены отказники. Когда

К. Фриман

ЭМИГРАНТЫ — ОБ ЭМИГРАЦИИ, ОБ АМЕРИКЕ, О СЕБЕ

Б. прибыл в Америку, он понял, сколь сложен переход от несвободы (воспитания в условиях тоталитарной системы) к свободе. Как и многим другим недавним эмигрантам из СССР, Леониду Б. не стало терпимости. Он, например, никак не мог понять, почему не сажали в тюрьму студентов, протестовавших в честь десятилетия годов против войны во Вьетнаме. По мнению Леонид Б., убийц надо было бы «расстреливать на месте».

Некоторые недавние эмигранты из СССР явно переоценивают свою роль в американском обществе. Они не отдают себе отчета в том, что Америка их не звала, а лишь согласилась принять их у себя.

Так, бывший музыкант московского симфонического оркестра заявил беседовавшему с ним американцу: «Мы — наилучшие иммигранты, которых Америка до сих пор имела. Мы внесем огромный вклад в американское общество. Мы не имеем ничего общего с русскими евреями, приезжавшими в Америку в начале века из так называемых «штетл».

Видимо, музыкант из Москвы, говоривший с презрением о евреях из «штетл», не подумал о том, что его американский собеседник — сын или внук евреев из такого же «штетл». У американца было полное основание обидеться на нового эмигранта.

Между американско-еврейскими организациями, опекающими эмигрантов из СССР, и новопривыкшими возникли и возникают ряд проблем, связанных с незнанием привычками из СССР еврейских традиций, их недостаточным интересом к религиозным обрядам и т.п. Это взаимное непонимание отчасти вызвано тем, что социальные работники американско-еврейских организаций имеют чаще всего искаженное представление о советской жизни. Некоторые из них с удивлением узнают, что в СССР почти у каждой семьи имеется телевизор и холодильник. Нередко они представляют себе Москву, как столицу какой-либо страны Третьего мира.

В Америке преобладает мнение, что большинство евреев в СССР активно стремятся соблюдать субботу и «кашрут», а им это не разрешают. Верно, конечно, что советские власти не разрешают евреям соблюдать религиозные традиции.

Но большинство советских евреев уже сильно ассимилировано. Многие из них не атеисты, а скорее агностики (люди, не отрицающие существования Бога, но считающие, что оно недоказуемо). Лишь за последние 10-15 лет увеличилось число религиозных евреев среди молодого поколения (чаще всего, это — либо отказники, либо люди, готовящиеся к эмиграции). Почти в каждой еврейской семье в СССР обсуждается вопрос об отъезде. Но это не означает, что эти люди — верующие в истинном смысле слова. Эту реальную ситуацию часто не учитывают социальные работники американско-еврейских организаций.

Сильвия Ротскайл отмечает: «Вместо бедных евреев, которые были бы глубоко благодарны за еду в холодильнике и за выдачу мужчинам ермолки, прибыли люди, стремящиеся бороться за статус в обществе и собственное достоинство. Без учета этих факторов нельзя понять мотивы их эмиграции из СССР».

Подобные эмигранты, пишет Ротскайл, были не в состоянии да и не желали отбросить свое европейское прошлое. Они даже часто уверены в превосходстве русской и европейской культуры над американской. Некоторые музыканты, писатели и ученые ожидали, что в Америке их встретят как почетных гостей, которые могли бы внести ценный вклад в культуру страны, которую они считали «американистической» и даже «примитивной».

Владимир Б. посещал лекции по советологии при Гарвардском университете. «Прослушав эти лекции, я был просто в бешенстве, — сказал Владимир. — Лекторы понятия не имеют о своем предмете. Они совершенно не понимают советской системы. Они не осознают, что система эта — злокачественная опухоль».

Художник из Одессы Мойше С. сказал, что его представления о Соединенных Штатах сложились благодаря чтению произведений Драйзера, Фолкнера, Хемингуэя и Эптона Синклера. До приезда в США он себе представлял Америку как «сильную, непобедимую страну». «Но я был глубоко потрясен ее слабостью и нерешительностью. Мне было больно в этом убедиться, потому что я люблю

Америку. Печально убедиться в том, что здесь нет дисциплины, нет порядка», — заявил Мойше С.

Согласно проведенным опросам, многие эмигранты разделяют взгляды о слабости Америки. 50-летний антрополог из Москвы обеспокоен американской пассивностью по отношению к Советскому Союзу. Он сравнивает американских политиков с философам, читающим лекцию о морали бандиту, заманувшемуся на него ножом.

Студент юриспруденции Лазарь Р. считает, что нормальный человек Запада не в состоянии понять всю жестокость и весь произвол советской власти. «Сколько бы Солженицын и Максимов ни старались объяснить своими произведениями весь ужас советского строя, сколько бы я сам ни пытался просветить своих американских друзей, они все равно не верят».

Он продолжает: «Меня часто спрашивают, правильно ли американские газеты изображают советские условия. Люди здесь думают, что корреспонденты американских газет все преувеличивают. Мне приходится им растолковывать, что в действительности все в тысячу раз хуже, чем в статьях американских журналистов».

Многие из опрошенных активно выступают против «мирного сосуществования» с СССР. Лазарь Р. заявляет: «С дьяволом нельзя заключать никаких сделок».

Небезынтересно, пишет Сильвия Ротскайл, что анти-советская фразеология, которой часто пользуются эмигранты, напоминает советские антиамериканские пропагандистские штампы, изображающие Америку, как бесчеловечное и продажное общество.

Многие эмигранты активно стремятся американизироваться. 40-летняя Ирина Г., преподавательница химии из Одессы, была до эмиграции лояльной советской гражданкой. Как только она попала в Новый Свет, она стала патриоткой Америки. Ее характер претит находиться в оппозиции. «Я очень люблю Соединенные Штаты и даже мужу своему не позволяю критиковать США. Я не допущу никаких жалоб на эту прекрасную страну».

(Окончание
в завтрашнем номере)

(Окончание.)

Начало во вчерашнем номере)

По мнению Сильвии Ротскайлд, эмигранты, владевшие английским языком к моменту прибытия в страну, оказались в еще более сложном положении, чем те, кто при выезде языка не знал. Говорящие по-английски эмигранты сразу испытывают «культурный шок», увидев глубокий разрыв между образом жизни в СССР и США.

Упомянутый выше Владимир Б., 43-летний инженер из Москвы, владел английским в момент прибытия в США. Он быстро нашел хорошо оплачиваемую работу, купил дом, приобрел машину. Тем не менее, у него проблемы. Владимир говорит: «Я думал, что адаптировался. Но по истечении четырех лет убедился, что это вовсе не так. Когда меняешь родину, никогда не будешь счастливым».

Владимир тоскует по московским друзьям. Он надеялся наладить контакты с коллегами по работе. Но это ему не удалось. Сослуживцы были вежливы, но совершенно не интересовались его мнениями и его советским опытом. Владимир был буквально потрясен, узнав, что образованные американцы ничуть не стесняются признаться в том, что очень мало знают о Советском Союзе.

После нескольких лет проживания в Америке иллюзии эмигрантов обычно рассеиваются. Те, кто представляли себе США как рай, где без особых усилий с их стороны все их мечты будут непременно осуществлены и они займут привилегированное положение, обычно быстро разочаровались. Адаптация к жизни в Америке как правило легче для тех, кто при выезде не питал особых надежд.

Эмигрантам, утверждавшим, что они знали, почему именно решились на выезд, легче потом было признать, что их представление об Америке было...

Для эмигрантов-интеллектуалов американизация является медленным и болезненным процессом. Почти у всех эмигрантов «третьей волны» восприятие американской свободы сопряжено с преодолением сложных психологических комплексов. Они не были готовы к неограниченной свободе, существующей в США. Некоторые проявления этой свободы вызывают у эмигрантов отрицательные эмоции.

Огромное разнообразие книг, фильмов, газет, культов, одежды часто ставит людей в тупик. Этот неограниченный выбор иногда кажется им хаотичным и может привести к эмоциональному кризису. Ощущается страх перед обществом, в котором отсутствуют авторитетные инстанции,

истинно дружеского отношения. Речь идет о так называемых small talks, когда говорят о пустяках (о погоде, транспорте и т.п.), но избегают более серьезных тем. На американских вечеринках (parties) не принято, например, вести серьезную дискуссию. Никто не хочет обременять собеседника собственными заботами, личными проблемами, сложными теоретическими вопросами. Большинству эмигрантов из СССР это чуждо. Но с другой стороны, почти все опрошенные признали, что в Америке они не встречают привычной в СССР грубости. На советских улицах, в советских трамваях каждый считает себя вправе читать мораль совершенно незнакомым людям.

нать ощущение принадлежности к еврейскому народу. Но там это было чрезвычайно трудно. Лишь в Америке она чувствует себя полноценной еврейкой. Это способствует ее американизации.

Московский инженер Илья К. заявил: «Не думаю, что я начал с нуля. Я всегда чувствовал солидарность с еврейским народом. Но я не был воспитан в еврейском духе. Здесь я посещаю синагогу, но не каждую неделю. В Цинциннати проживают всего 30 тыс. евреев, но в городе более 30 синагог. А на всех московских евреев приходится лишь одна синагога».

Сильвия Ротскайлд отмечает: «Многие эмигранты остались в Америке неверующими. Тем не менее, они не скрыва-

К. Фриман

ЭМИГРАНТЫ — ОБ ЭМИГРАЦИИ, ОБ АМЕРИКЕ, О СЕБЕ

принимающие решения вместо индивида. Упомянутая Рахиль М. выразила мнение многих эмигрантов старшего поколения, сказав: «Каждый человек должен знать свои обязанности. Он должен знать, что позволено и чего нельзя делать. Это просто безумие — допускать ничем не ограниченную свободу».

Согласно проведенным опросам, критически относятся к чрезмерной свободе в США не только представители старше-

Многих эмигрантов из СССР удивляет гостеприимство со стороны членов еврейских общин. Элеонора С. сказала: «В Ленинграде мне в голову не пришло бы пригласить чужого человека к себе домой. Только после более или менее продолжительного знакомства я могла бы пригласить его в гости. Я встречалась лишь с людьми, с которыми у меня были общие интересы и с которыми я могла говорить откровенно».

ют, что они евреи, наоборот, они этим гордятся».

Однако некоторые эмигранты, которые были равнодушны к еврейству в СССР, сохранили индифферентность к своему еврейскому наследию и после приезда в Америку. «Почему людей интересует, кто я такая — еврейка, христианка и т.д.? Какое это имеет значение?» — заявила эмигрантка-переводчица. Она крестилась еще будучи в СССР. Переводчица недоумевает, поче-

...как было весьма гуманным. Они обычно говорят: «Я многого не знал, во многом ошибался. Мои представления об Америке были иллюзорными (иллюзии эти часто были связаны с отсутствием объективной информации о Соединенных Штатах в СССР)».

Люди этой категории обычно не читают американцам нотаций о превосходстве русской культуры, просвещения и высокому уровню интеллектуалов в СССР.

Люди, эмигрировавшие без понимания мотивов отъезда, обычно настроены более ностальгически. После первых разочарований в США они начинают идеализировать жизнь в Советском Союзе. Особенно резко критикуют эмигранты бюрократизм американских учреждений, который напоминает им канцелярскую волокиту, существующую в стране, которую они покинули. «Ненавижу я обращаться в местное жилищное управление, — сказала 70-летняя Рахиль М., преподававшая в СССР английский язык. — Я себя чувствую в таких случаях, словно в России. Тот же бюрократический стиль. Никто не обращает на тебя внимания. Чиновники еле двигаются».

С более серьезными проблемами сталкиваются бывшие советские писатели, музыканты, художники. В СССР их творческие возможности были ограничены цензурой. Они испытывали на себе государственный антисемитизм. В США нет ни цензуры, ни антисемитизма. Тем не менее, писателям и артистам приходится в США преодолевать препятствия совершенно иного рода. Музыканты с мировым именем, эмигрировавшие из СССР, продолжают и на Западе свою творческую деятельность. Трудности испытывают менее именитые музыканты и художники (а также талантливые творческие деятели, начинающие свою карьеру в Америке). Ротскайлд отмечает, что бывшие советские художники-авангардисты часто разочарованы реакцией американской публики на их произведения. В Америке, пишет Ротскайлд, их картины «нередко воспринимаются как провинциальные и старомодные».

го поколения, но и некоторые молодые люди, считавшие себя в СССР бунтарями. Так, 22-летний студент из Ленинграда Лев С., не придает большого значения свободе слова. «У нас там не было свободы слова, — говорит он. — Но что из этого? Меня это вовсе не беспокоило. У меня было несколько друзей, с которыми я мог говорить откровенно. Я никогда не испытывал желания выступать с речью на улице. К чему это? Только те немногие люди, с которыми я встречался в часы досуга, меня интересовали. До других мне не было дела».

Страх перед чрезмерной свободой испытывают в эмиграции и некоторые родители. В СССР авторитет родителей значительно выше, чем в США. Многие прибывшие в Америку опасаются, что их дети, будучи предоставлены самим себе, пойдут по неверному, опасному пути. Соблазнов вокруг много, и лишь зрелый человек в состоянии противостоять им и принимать правильное решение. Опасения этих родителей не лишены основания. Многие из них решились на эмиграцию ради своих детей — ради их будущего. Но приехав сюда, они увидели, что дети могут полностью выйти из-под их контроля.

Непонимание сущности свободы в Америке отражается порой в отношении эмигрантов к движению за женское равноправие. Зина К., работавшая в СССР инженером-конструктором, представляла себе «свободу женщин» в том, чтобы носить красивую одежду, быть женственной и меньше трудиться. В СССР она привыкла к тому, что большинство ее коллег — мужчины. Добиться подобной карьеры в Советском Союзе женщинам нелегко. Возможно, именно поэтому у Зины К. столь своеобразные представления о равноправии женщин в Америке.

Многие эмигранты поражены стандартной вежливостью в каждодневных беседах американцев. По данным опросов, эмигранты нередко воспринимают «американскую вежливость» как пустую формальность, которая лишена

У многих эмигрантов вызвало удивление то обстоятельство, что негры играют в американском обществе большую роль, чем они себе это представляли, когда жили в СССР. Эмигранты не ожидали, что во многих государственных и частных учреждениях негры занимают административные посты, что негритянские дети посещают школу совместно с белыми. Некоторые эмигранты были озадачены тем фактом, что «негры, получающие пособие по велфэру, лучше питаются, чем советские рабочие».

Многие эмигранты не ожидали, что их американизации будут способствовать контакты с еврейскими общинами. Забота со стороны представителей общин облегчает эмигрантам задачу найти свое место в американском обществе. В то время как в СССР евреи стараются полностью отделиться от своего национального наследия и руссифицироваться, американизация вполне сочетается с интенсификацией контактов с еврейскими общинами США.

Показательны высказывания Галины К. из Ленинграда: «Мы никогда не были набожными евреями. Я не думала, что благодаря эмиграции еврейские культурные традиции займут в моей жизни какое-то особое место. Я сюда приехала, чтобы спасти сына, чтобы у него появились какие-то перспективы в жизни. Теперь я заинтересована в том, чтобы сын был воспитан в духе еврейских традиций, чтобы он праздновал бармишву. Я хочу, чтобы он стал американским евреем».

Иудаизация Галины К. началась с момента, когда ее сына отправили (бесплатно, конечно) в еврейский летний лагерь. Затем она стала посещать синагогу в дни еврейских праздников. Присутствуя на еврейском музыкальном фестивале в Нью-Йорке, она даже расплакалась. Молодые евреи танцевали и пели. «В них было столько человеческого достоинства. Я не представляла себе, что буду испытывать чувство гордости за свой народ», — сказала Галина.

Раиса С. сказала, что она еще в Москве пыталась сохра-

му ее отец, советский писатель, до сих пор живущий в СССР, был возмущен крещением дочери. В равной мере ей непонятно отсутствие терпимости со стороны американских евреев к ее духовным поискам.

42-летний физик из Одессы разочарован в американском еврействе. Находясь в СССР, он предполагал, что это независимые и мужественные люди, но сейчас обнаружил, что американские евреи «не уверены в себе». По его мнению, их до сих пор тревожат «проблемы меньшинства». «Они страдают от типично еврейской душевной нестабильности», говорит одессит. Поэтому он решил считать себя русским и в Америке.

Игорю Г., студенту из Тбилиси, не нравится, что еврейские эмигранты из СССР стремятся жить в одном и том же районе города. «Это просто глупо жить на Брайтон Бич и говорить друг с другом по-русски, как будто это Одесса. Я этого не хочу. Я стремлюсь американизироваться. Я читаю «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк пост». Я приехал сюда, чтобы стать американцем. Ностальгия по России меня не волнует». Игорь овладел английским еще до эмиграции.

Константин С. в восторге от всего американского. Ему нравится в Америке все — магазины, улицы, люди. В 1979 году, еще не умея говорить по-английски, он собирался написать книгу о русско-еврейской интеллигенции. «Я чувствую себя стопроцентным американцем, даже в большей мере, чем многие коренные американцы», сказал Константин.

Его энтузиазм не был связан с реальной жизнью Америки. «С тех пор, как я приехал в Соединенные Штаты, я себя больше не считаю евреем», говорит Константин. По его мнению, «еврейство — непосредственный результат антисемитизма».

Опросы эмигрантов «третьей волны», проведенные американскими евреями, являются ценным и интересным материалом не только для американцев, стремящихся лучше понять выходцев из СССР, но и для нас самих.

«СТРАНЫ ЕЛЮДИ»

НЕДАВНИЕ ЭМИГРАНТЫ ИЗ СССР В НОВОМ СВЕТЕ

В ПОСЛЕДНЕЕ время в американской печати появились весьма противоречивые статьи и письма читателей по поводу адаптации и устройства в США недавних эмигрантов из Советского Союза. Старые эмигранты недоумевают: «Что же это за странные люди? Им помогают, а они жалуются. Мы-то начинали здесь с мытья посуды!»

Попробуем по возможности объективно разоблачиться в сложном комплексе проблем, касающихся «людей с другой планеты», как нас называет здесь Андрей Седых, главный редактор нью-йоркской газеты «Новое русское слово» (25 февраля, 4 и 11 марта, 1975 г.).

В одной из статей Андрея Седых верно было отмечено, что, в отличие от первых двух эмиграций, представители так называемой «третьей волны», за редким исключением, не были вынуждены уезжать из Советского Союза ради спасения своей жизни, т. е. физическая смерть им непосредственно не угрожала. Добавим, что этим новые эмигранты отличаются также и от тех еврейских беженцев, которые прежде прибывали в Америку в начале 20. века из царской России.

Правда, из подсознания большинства советских сверев среднего и старшего поколений до сих пор еще не вытеснен комплекс страха памятного 1953 г., когда только смерть Сталина спасла их от депортации из крупных городов в «связи с так называемым делом врачей» (см. также: А. Солженицын «Архипелаг ГУЛаг» т. 1, Г. Свирицкий «Загожники»). Но в последние годы, до подачи заявления о выезде из СССР, люди были как-то устроены, не испытывали особой нужды, а некоторые жили, по советским стандартам, материально весьма не плохо. Поэтому многие из них, попав на Запад, оказываются внутри не совсем подготовленными к неизбежному, хотя и не очень серьезным жертвам.

Принимая нелегкое решение эмигрировать из СССР, человек не особенно задумывается о трудностях, которые ожидают его в

свободном мире. Он целиком поглощен продолжением препятствий, искусственно создаваемых для осложнения выезда (унизительные митинги и собрания, вызовы в КГБ, потеря работы, исключение из университета, страх перед отказом в выдаче выездной визы и т. д.). Только бы скорее оставить все эти волнения позади! Ясное сознание того, что эмиграция — это коренная ломка всей прежней жизни, приходит лишь после приезда в Америку. «Вряд ли можно понять «странности» поведения «людей с другой планеты», если не учесть их почти полной неосведомленности относительно реальной ситуации на Западе. На основании случайных иностранных радиопередач и рассказов советских туристов у них складываются весьма туманные, часто иллюзорные представления о жизни на Западе.»

«Что касается советской печати с ее специально препарируемой смесью лжи и крупиц правды, то она меньше всего может служить источником объективной информации о Западном мире. Умудренные горьким опытом советские читатели отрицают публикуемые в печати сообщения, справедливо считая их пропагандистскими. Даже в тех редких случаях, когда на страницах газет допускаются более или менее достоверные сведения, они не принимаются всерьез. Все это способствует тому, что отъезжающие плохо представляют себе, что их ждет в новой жизни.»

«Для многих новоприбывших оказывается полной неожиданностью отсутствие централизованно го трудоустройства, а к проявлению собственной инициативы они не привыкли. Тем труднее им ориентироваться в совершенно новых условиях. Конечно, дальнейшая судьба эмигранта во многом зависит от его профессии, квалификации и знания языка.»

Литераторы и киносценаристы, писавшие в СССР «в стол», полны надежд на публикацию своих манускриптов. Но, приехав на Запад, они быстро убеждаются в том, что их творчество малой интересуется европейских и американ-

ских издателей, в частности из-за необходимости предварительного перевода рукописи на английский или другой язык. С недоумением прочтут они на двух «страницах» «Нью-Йорк Таймс» помещенный в виде оплаченного объявления полный текст трактата коммунистического вождя Северной Кореи Ким Ир-Сена.

Постепенно они начинают понимать, что при решении вопроса о публикации того или иного произведения здесь чаще всего руководствуются коммерческими соображениями. Но и при самых благоприятных обстоятельствах одним литературным трудом едва ли удастся заработать на жизнь.

«Врачи не всегда знают, что лишь в Израиле их советские дипломы признаются, а в любой другой западной стране им приходится заново сдавать все экзамены, к тому же на незнакомом или мало знакомом языке.»

«Для учителей оказывается полной неожиданностью, что они не смогут работать в школе без американского диплома, который выдается после окончания двухгодичных курсов. Вместе с тем, хотя для преподавания в университетах специальных разрешиений не нужно, практически шансы на получение академической должности «мини-маленьки» из-за ухудшения финансового положения многих университетов.»

«Химики и инженеры не дают себе отчета в том, что в Америке скорее всего придется переучиваться, т. е. приобретенные ими в Советском Союзе опыт и знания слишком узки и не соответствуют американским техническим стандартам, экономистам, юристам и представителям некоторых других специальностей не остается ничего другого, как переквалифицироваться.»

«Выезжающие из Советского Союза часто не имеют понятия и о ряде весьма положительных факторов, способных облегчить их жизнь в Америке на первых порах. Так, например, для всех молодых людей, проживающих в Нью-Йорке, обучение в колледжах городского университета бес-

платное, а в других американских городах учеба в университетах соответствующего штата доступна за относительно невысокую плату.

Советская печать с удовольствием подчеркивает, что лечение в американских больницах по карману лишь богачам. Совершенно не пишут и американские журналисты, но речь идет о случаях, когда человек не застрахован. Касается эмигрантов из Советского Союза, то медицинское обслуживание для них сначала бесплатное. А после устройства на работу и вступления в члены профсоюза за возможную госпитализацию любого члена семьи главе семейства приходится платить ежемесячно небольшую сумму, остальную часть страховки обязан платить работодатель.

«Для многих серьезным препятствием при устройстве на работу является практическое незнание английского языка. Попадая на языковые курсы в Америке, эмигранты быстро понимают, что знания, полученные ими в советских школах и высших учебных заведениях, лишь мертвый груз, не дающий им возможности понимать разговорным английским языком.»

«Но новым эмигрантам приходится жить, преодолевая не только языковые барьеры. Пожалуй, еще труднее привыкнуть к приобретенной ими «свободе», ради которой многие и приехали сюда. Об этом хорошо сказано в одном из писем в редакцию «Нового русского слова» (13 марта 1975 г.): «И только теперь отсюда, через весь kaleidoscope прошедшего и происходящего с нами, мы начинаем с беспокойством чувствовать, что ничего-то мы не знали и не понимали прежде; что даже наш внутренний мир был продуктом системы, воспитавшей нас, и теперь нам предстоит его переделывать для того, чтобы стать по-настоящему свободными людьми. Это прекрасно, но и очень трудное, немощно трудное — перерождается людская вполне сложившаяся психология, привычками, отношением к жизни.»

— до кинематографу К. Фриман и шит отсюда... (Оконч. ние следует)

В первой части этой статьи, говорилось об основных препятствиях, стоящих на пути недавних эмигрантов из Советского Союза в Америке. К ним относятся полное отсутствие информации о реальной жизни на Западе и о конкретных перспективах устройства на работу для представителей отдельных профессий, а также недостаточное знание английского языка. Не менее существенны и психологические барьеры, т. е. отсутствие собственной инициативы и «советский комплекс», являющийся продуктом воспитавшей их системы.

ТРЕТЬЯ волна эмиграции из Советского Союза, состоящая в основном из евреев, весьма неоднородна. Это люди с разным отношением к религии — от равнодушных (такие преобладают) до ортодоксальных (некоторые представители старшего поколения и выходцы из Грузии, больших городов Молдавии, Украины, Белоруссии и др.) и с разной степенью ассимиляции — от полностью ассимилированных, воспитанных в русской культуре, до говорящих на языке идиш.

В СССР всех их объединял один признак — слово «еврей» графе «национальность», неизменной как в паспорте, так и в визете (ее пресловутый «пятый пункт»), заполняемой при поступлении в любое учебное заведение, на любую работу. Одно это слово делало их людьми второго сорта. Но хотя основная причина эмиграции у всех одна и та же — фактическое неравенство евреев в советском обществе (несмотря на громкие декларации о дружбе народов), конкретные мотивы отъезда могут быть различными. А ведь отношение новых эмигрантов к их положению в Объединенных Штатах во многом определяется именно реальными мотивами, побудившими их покинуть Советский Союз. Всякое обобщение, всякая классификация несут в себе элемент искусственности и упрощения. В основном, можно, пожалуй, говорить о трех группах новых

эмигрантов, исходя из мотивов их отъезда из страны «победившего социализма».

Прежде всего, — люди, эмигрировавшие из-за отсутствия политической или интеллектуальной свободы. Им приходится не так уж легко, поскольку многие из них не обладают профессиями, подходящими к американским условиям. Однако большая часть из них в состоянии оценить приобретенную свободу и, не жалуясь ни на кого, энергично искать возможности применения своих знаний.

Настроение этих эмигрантов нашло выражение в письме, опубликованном в «Новом Русском Слове» от 12 марта 1975 г. под названием «Голос новых эмигрантов» (за подписью Н. Коржавина, С. Мюге и др.). В письме среди прочего говорится: «Далеко не все, подписавшие это письмо, устроились хорошо или устроились вообще. Тем не менее мы очень благодарны политическим деятелям Америки за то, что получили возможность жить в этой стране и пользоваться ее свободой».

В письме подчеркивается также, что «нас сюда никто не приглашал. Просто американское правительство удовлетворило нашу просьбу и разрешило нам жить в этой стране. Кроме того, оно дало нам право на труд, равное тому, которое имеют коренные жители».

Ко второй группе можно отнести советских евреев, руководствовавшихся при принятии решения об отъезде соображениями еврейской культуры и религии. В большинстве своем это ремесленники, квалифицированные рабочие, продавцы и др. Они сталкиваются с относительно меньшими трудностями при устройстве на работу. И с языком у них проще — на первых порах они обходятся своими знаниями идиша, на котором часто могут общаться в небольших еврейских предприятиях Бруклина, Нью-Джерси Сити и других американских городов. Частично эти люди едут в Америку по вызову родственников и, вообще, более или менее безболезненно акклиматизируются в новых условиях.

Больше всего жалоб исходит от людей, которые, не утруждая себя серьезными раздумьями, под

дались общему настроению: «Выпускают! Соседи и знакомые уже уехали, значит — надо ехать. Хуже не будет. Америка страна богатая!..».

Состав этой группы эмигрантов самый пестрый — от бывших работников советской торговли до людей с высшим образованием. Их мечты о «красивой жизни» быстро рушатся, остается лишь разочарование. Бывшие служащие «торговой сети», привыкшие работать «налево», скоро убеждаются в том, что этот их советский опыт является только препятствием для работы в американских магазинах. Особенно трудно переладить свою советскую психологию и приспособиться к жизни в свободном обществе относящимся к этой же группе людям, имеющим дипломы высших учебных заведений.

Отсюда — бурное недовольство и необоснованные претензии, которые они выражают как устно, так и письменно (пример этому статья Ю. Брехина в «Нью-Йорк Таймс» от 2 февраля 1975 г.). ~~Забывают они при этом, по-видимому, лишь о возможной выгоде, которую подобные жалобы могут принести лично им, — и ни о чем более.~~

Что же помогает недавним советским эмигрантам на Западе? Несмотря на инфляцию и депрессию, о них заботятся, начиная с Вены. До приезда в Америку этим занимается всемирная еврейская организация «ХАИАС», с момента прибытия в США — в Нью-Йорке — «НАИАНА», в других городах — организации местных еврейских общин.

Официальный срок помощи благотворительных организаций в самой Америке — четыре месяца, но нередко ее продолжают оказывать в течение семи-восьми месяцев, а людям пожилого возраста — вплоть до года (пока они не получат скромной государственной пенсии).

Оплачиваются счета за гостиницу или квартиру, выдаются чеки на сумму, вполне достаточную для хорошего питания, по купки сигарет, оплаты стоимости транспорта и т. д. Эти же организации обеспечивают эмигрантам бесплатное обучение на курсах английского языка.

Суммы, затраченные «ХАИАС» и «НАИАНА», эмигранты с течением времени постепенно вер-

нут; помощь еврейских организаций в других городах Америки безвозмездна.

«НАИАНА» и еврейские организации в других городах занимаются и вопросами трудоустройства. Но их возможности ограничены: обычно они направляют эмигрантов только на неквалифицированную или малоквалифицированную работу. Специалистам с высшим образованием приходится искать работу самим. Если эмигрант, проработав не менее 20 недель, оказывается уволенным, то он, наряду с американскими гражданами, имеет право на государственное пособие по безработице, достаточное для скромной жизни.

Все это факты. Но почему же так много шума вокруг столь эффективной и нужной организации, как «НАИАНА»? Жалобы со стороны некоторых эмигрантов относятся отнюдь не к размерам помощи, которую трудно переоценить. Шум вызван тем, что среди ее сотрудников имеется немало черствых бюрократов, лишенных доброжелательного подхода к людям. Советские эмигранты, пострадавшие до получения выездной визы, естественно, возмущаются, когда вместо доброго слова слышат окрики. Встречаются, конечно, и другие — отзывчивые, деловые социальные работники.

Помимо перечисленных официальных организаций, в Нью-Йорке и других городах Америки имеется много добровольцев из еврейских общин, которые не жалуют своего времени для того, чтобы помочь новоприбывшим в изучении языка, при устройстве взрослых на работу, детей — в подходящие школы и лагеря, работающим — преодолеть сложности составления налогового отчета и многое другое. Недавно в Бруклине открылся центр подготовки врачей — эмигрантов из СССР к медицинским экзаменам. Занятия проводят американские врачи добровольцы.

Несмотря на все трудности, эмигранты «третьей волны» не чувствуют себя здесь заброшенными, круг их знакомых и доброжелателей ширится. Однако, в значительной мере от них самих зависит, как скоро они смогут избавиться от своих советских комплексов и стать свободными людьми.

К. Фриман